

БИБЛИОТЕКА ФЛОРЕНТИЯ ПАВЛЕНКОВА

ИСТОРИИ ЖИВЫЕ ЛИЦА

МОЦАРТ

БАХ

БЕТХОВЕН

ИЖЛ

Сергей Александрович Базунов
Бах. Моцарт. Бетховен
Серия «Библиотека Флорентия
Павленкова (Амадеос)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16672412
Бах. Моцарт. Бетховен: РИПОЛ; Москва; 2015
ISBN 978-5-386-08410-3

Аннотация

Флорентий Федорович Павленков – легендарный русский книгоиздатель, переводчик и просветитель или, как нынче принято говорить, культуртрегер. В 1890 году он придумал и начал издавать свою самую знаменитую серию «Жизнь замечательных людей». При жизни Павленкова увидели свет 191 книга и 40 переизданий, а общий тираж превысил миллион экземпляров. Это была, по признанию многих, первая в Европе коллекция биографий, снискавшая колоссальный успех у читателей. Изданные 100 лет назад почти 200 биографий знаменитых писателей и музыкантов, философов и ученых, полководцев, изобретателей и путешественников, написанных в жанре хроники, остаются и по сей день уникальным информационным источником. В книгу вошли биографии музыкантов всех времени и народов – Баха, Моцарта и Бетховена.

Содержание

Иоган Себастьян Бах. Его жизнь и музыкальная деятельность	6
Глава I. Происхождение, детство и отрочество	7
Глава II. Служебные странствия	25
Глава III. Первое десятилетие творчества	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Александрович Базунов

Бах. Моцарт. Бетховен

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2015

* * *

**Иоганн Себастьян Бах. Его жизнь
и музыкальная деятельность**
Биографический очерк С. А. Базунова

Глава I. Происхождение, детство и отрочество

Наследственная талантливость рода Бахов. – Предки и семья Себастьяна Баха. – Смерть матери. – Вторичная женитьба и смерть отца. – Воспитание у старшего брата Иоганна Христофора Баха. – Обучение музыке. – Переселение в Лüneбург и тамошние музыкальные занятия

В своем замечательном и капитальном труде о Бахе ученый, исследователь его жизни Филипп Шпитта посвящает изысканиям о *предках* знаменитого композитора целую первую книгу сочинений. Такая по-видимому чрезмерная обстоятельность, кроме известной немецкой научной добросовестности, имеет основанием и некоторые действительно важные причины. Дело в том, что фамилия Бахов представляет собою чрезвычайно замечательный образчик наследственной, из поколения в поколение передаваемой талантливости. *Все Бахи* – восходящие, нисходящие, боковые – за долгий период трех полных столетий были более или менее артисты, и именно музыканты. Отец, дядя, дед, прадед, братья, *все* многочисленные сыновья, внук и правнук Себастьяна Баха – все занимались музыкой и были кто органистом, церковным кантором, кто капельмейстером или концертмейстером в разных городах и городках Германии;

некоторые из представителей замечательного поколения по-просту назывались Stadtpfeifer или Kunstpfeifer (Pfeifer – дословно значит *свистун*); но и за этими оригинальными названиями скрывались принадлежность все к тому же артистическому цеху, все то же направление вкусов и та же основная музыкальность натуры. Даже самый отдаленный родоначальник фамилии, некий Фейт (Veit Bach), живший еще в XVI столетии, о котором почти ничего не известно, кроме того, что он был булочником и содержал мельницу, – даже этот мельник был любитель музыки и хорошо играл на каком-то «гитарообразном» инструменте. Таких инструментов не только нет теперь, но, по-видимому, даже и во времена Себастьяна Баха уже не было. Однако ученый биограф нашего композитора объясняет, что инструмент этот в свое время назывался Gythringen и что слово это происходит от Githara и прочее. На этом-то инструменте старый Фейт Бах любил играть, прислушиваясь к однообразно мерным ударам мельничного колеса в то время, когда молотась мука.

Род Бахов, как показывают наиболее достоверные исследования, был чисто немецкого происхождения. Упомянутый Фейт Бах происходил из Тюрингии и переселился было в Венгрию, но под влиянием религиозных преследований, начатых там против протестантов в XVI столетии, опять возвратился на родину, и с тех пор род Бахов уже никогда не покидал отечества. Сын и внуки Фейта, как упомянуто, были также музыканты; последние, два брата-близнеца (Иоганн

Амвросий – отец и Иоганн Христофор – дядя Себастьяна Баха), были уже профессиональные музыканты и, странствуя по Тюрингии, добывали себе пропитание игрою на скрипке. Около 1667 года отец Себастьяна, Амвросий Бах, обосновался наконец оседло в городе Эрфурте, получив там место *городского музыканта*, и в следующем же году женился на некоей девице Елизавете Леммерхирт. Года через три после того он переселился в город Эйзенах (великое герцогство Саксен-Веймарское).

Амвросий Бах имел большую семью, но из восьми его детей пережили отца только четверо: старший сын Иоганн Христофор, игравший потом такую важную роль в деле воспитания Себастьяна Баха, другой сын, Иоганн Яков, одна из дочерей и младший член семьи, знаменитый Иоганн Себастьян Бах, родившийся в Эйзенахе 21 марта 1685 года. Первые *десять* лет своей жизни будущий композитор провел под родительским кровом, воспринимая те впечатления и то влияние, какие могла дать типичная немецкая семья конца XVII столетия. Мы называем семейство, к которому принадлежал Себастьян Бах, типичным согласно показаниям большинства его биографов, и так как влияние этой семьи очень сильно отразилось на характере, направлении и общем мирозерцании будущего композитора, то не лишним будет остановиться несколько подробнее на вопросе, что представляло из себя семейство органиста города Эйзенаха, Иоганна Амвросия Баха. Но для уяснения себе этого вопроса нужно

иметь в виду прежде всего некоторые исторические соображения.

Как известно, реформационные идеи Лютера привились раньше всего, между прочим, именно в Тюрингии, и род Бахов, исконно тюрингский по происхождению и месту жительства, имел таким образом случай усвоить себе протестантские религиозно-нравственные воззрения с самых давних времен, почти со времени самого Лютера. Все Бахи, за все время существования поколения, были убежденными протестантами, и сам родоначальник их Фейт ушел из Венгрии только потому, что не желал поступаться своими протестантскими убеждениями. В самой Германии религиозные преследования привели к знаменитой Тридцатилетней войне, обнимающей собою почти всю первую половину XVII столетия, и на долю поколения Бахов, следующего за Фейтом, к которому принадлежал и дед Себастьяна Баха, выпала горькая участь перенести все ужасы тридцатилетнего беспощадного разгрома Германии, когда ни жизнь, ни кровь, ни имущество протестанта не были обеспечены никем и ничем, вся страна обнищала, огрубела и одичала, и все, а в особенности противники протестантства, среди постоянных грабежей, убийств и грубого разврата утратили всякое чувство законности. В этой-то обстановке грубости и бесправия продолжало, однако, жить идеальное начало протестантизма и формировался, закаляясь, *характер* носителей новых религиозно-нравственных идей. Кто из них вынес, перетерпел и

пережил эту ужасную эпоху, тот навсегда сохранил и передал потомству стойкость в убеждениях, громадную выдержку характера и, разумеется, глубокую, почти фанатическую преданность своим религиозным убеждениям. Семейство Бахов вышло из этой долгой бури протестантским более чем когда-либо. Трагические случайности этого смутного времени в Германии не могли, конечно, не коснуться и их, и традиции страдавших за свои протестантские убеждения дедов навсегда укрепились в семье.

Когда заключен был мир, страна *официально* получила свободу вероисповедания, но и вторая половина XVII столетия была для протестантства эпохой еще далеко не спокойной: *официальные* права часто приходилось осуществлять и отстаивать лишь ценой больших усилий и часто не без риска всякого рода. Эту последнюю эпоху довелось переживать уже отцу Себастьяна, Амвросию Баху, и потому понятно, что важнейшим жизненным принципом его семьи по традиции сделалась глубокая и искренняя религиозность, проникавшая в самую основу нравственной жизни ее членов. Это же господствующее душевное настроение всецело передалось и нашему композитору, составило основание его мирозерцания и проникло во все его музыкальные произведения, сообщив им свой тон и неизменно религиозный характер. Себастьян Бах прославлен преимущественно как композитор *церковной музыки*. Чтобы дать, однако, вполне точное понятие о качестве религиозности Себастьяна Баха, мы должны

прибавить, что заметным элементом его религиозных воззрений была некоторая примесь мистицизма, также унаследованная музыкантом из семьи, а семьей – из времен тревожного прошлого, когда крутые обстоятельства часто не оставляли никакой другой надежды, кроме мистического упования на непосредственное, таинственное вмешательство Божества в дела человека. Последний оттенок религиозным мнениям семьи Баха и его самого давало очень распространенное в то время пиетическое направление, однако же без всякой примеси свойственных этому направлению слезливости и лицемерия. Этих последних свойств в натуре Бахов вовсе не было; для этого они были и слишком сильны душою, пережив в прошлом так много, и, с другой стороны, слишком искренни, отчасти даже до степени некоторой наивности (черта характера, которую не преминул унаследовать и знаменитый наш композитор).

КНИГОТОРГОВЫЙ ДОМ В ЛЕЙПЦИГЕ – ГОРОДЕ, ГДЕ ЖИЛ И РАБОТАЛ БАХ. ФОТОГРАФИЯ СДЕЛАНА МЕЖДУ 1890–1900 ГГ.

Таковы были восходящие члены генеалогии Бахов и такая семья, воспитавшая в своих недрах будущего гениально-го музыканта. Но для более реального и, может быть, более близкого к истине представления о характере этой семьи мы сочли бы, пожалуй, небесполезным несколько смягчить тот отчасти строгий тон, каким говорили и каким обыкновенно принято говорить о предках Баха и их историческом прошлом. Мы, впрочем, уже упомянули о некоторой доле наив-

ности, которая, несомненно, была присуща всей почтенной генерации, равно как и гению, ею порожденному. Наивность эта была, однако, самого добродушного и самого симпатичного свойства и, разумеется, вовсе не портила типа патриархального бюргера, каким был, например, отец композитора, почтенный органист Амвросий Бах, а в известной степени и гениальный сын его, как это мы увидим ниже, из данных биографии. Гений и трогательная детская наивность так легко уживаются вместе... Но, кроме этого замечания, для правильной характеристики знаменитой фамилии следует иметь в виду и то, что Эйзенах, где жила семья, так же как и Эрфурт, откуда она переселилась, были уголками такой глухой, захолустной провинции, которая неизбежно налагает на своих обитателей некоторый особый, трудно определяемый, но всегда ощутимый отпечаток. Обстоятельство это также надобно оценивать и принимать как фон, на котором затем читатель может рисовать себе членов почтенной семьи со всеми их индивидуальными особенностями... Но возвратимся к нашему повествованию.

Семейство, к которому принадлежал будущий композитор, могло существовать довольно безбедно. Глава семьи, органист Амвросий Бах, по характеристике биографа нашего музыканта Ф. Шпитты, был человек «внутренне самостоятельный», дельный (*tuchtig*), добросовестный и искусный в своем деле и пользовался у сограждан очень почтенной репутацией. Нечего и прибавлять, что он был набожный, хоро-

ший протестант. По словам того же биографа, он «рано подметил большие музыкальные дарования сына и принял зависевшие от него меры к развитию их», то есть, говоря проще, начал обучать его тому, что знал сам, именно ближайшим образом игре на скрипке, а затем отчасти и на клавесине¹. Мальчик с самого начала стал проявлять очень хорошие способности, и музыкальные занятия его подвигались так успешно, как только мог желать преподаватель. Все шло, таким образом, благополучно.

Старший сын Амвросия Баха, Иоганн Христофор, успешный с течением времени прийти в возраст, перешел «на собственный хлеб», получив место органиста в городе Ордруфе, и счастливая семья старого Амвросия мирно и тихо совершала свой жизненный путь, следуя заветам и традициям седой старины и вовсе не предчувствуя, что над нею уже тяготела судьба и что домашний очаг ее скоро потухнет. Беды, одна за другою, стали обрушиваться на нее, когда ма-

¹ Клавесин – одна из более примитивных разновидностей клавинофорда. Отличался от этого последнего меньшим совершенством механизма. На клавинофорде можно было извлекать, по желанию, и сильные, и слабые звуки; на клавесине же звуки были лишь одной степени силы. Клавинофорд допускал и связную, и отрывистую игру, тогда как клавесин звучал лишь отрывисто. Указанные преимущества клавинофорда допускали, таким образом, более совершенное исполнение музыки. Однако, по мнению специалистов, в оркестровом исполнении, так же как при хоровой музыке, клавесин имел и свои преимущества, лучше выделяясь благодаря своему резкому звуку. Особенности обоих этих инструментов были потом соединены вместе при изобретении, в первой половине XVIII столетия, инструмента, названного *pianoforte*, или фортепиано. (См.: Л. Саккетти. «Всеобщая история музыки», 1891 г.).

ленькому Себастьяну не исполнилось еще и полных девяти лет. В мае 1694 года неожиданно скончалась его мать, Елизавета Бах; ребенок осиротел наполовину, но и вся семья тяжело почувствовала понесенную утрату. Куда девался порядок в доме? Все пошло вразброд, хозяйство быстро приходило в упадок. Таким образом, отец Себастьяна очень скоро увидел совершенную необходимость дать разрушающейся семье новую хозяйку и, переждав с небольшим полгода, поспешил жениться вторично на некоей Варваре Маргарите Бартоломеи. Однако еще не успело выясниться, насколько новая хозяйка могла заменить в доме покойную мать Себастьяна, как над семьей стряслась новая беда: два месяца спустя после женитьбы сам Амвросий Бах скончался столь же неожиданно, как и его покойная первая жена. Себастьян осиротел окончательно.

Вслед за тем семья распалась и разбрелась по разным городам Германии, а юный Иоганн Себастьян, которому в то время еще не было полных десяти лет, был отдан на воспитание старшему брату, органисту города Ордруфа Иоганну Христофору Баху.

Брат Иоганн Христофор был в то время молодой человек 24 лет от роду, успевший, однако, несмотря на молодость, уже вполне определиться как в своих взглядах на жизнь и задачи человека вообще, так и в своих понятиях об искусстве, которое составляло его профессию. Обстоятельству этому нечего, впрочем, особенно удивляться, ибо в те вре-

мена характеры людей были, говоря вообще, менее сложны, более цельны и просты, как просты и цельны были тогдашняя жизнь и ее задачи. Притом же крепкие семейные традиции избавляли человека от трудной обязанности изыскивать разные собственные пути, и почти на все возможные тогда запросы жизни имелись для каждого желающего готовые, вполне определенные ответы; стоило лишь самому не мудрствовать лукаво... И молодой органист города Ордруфа, по видимому, не мудрствовал.

Он твердо знал, что следовало ему делать в его тогдашнем положении. По смерти родителей он обязан был заменить юному брату отца и действительно сделал все от него зависевшее, чтобы исполнить эту обязанность как следует, то есть по крайнему своему разумению. Он сообщал брату те самые религиозные, нравственные и житейские правила, которым учил его самого отец, Амвросий Бах. Десятилетний мальчик уже должен был чему-нибудь учиться, и потому брат стал систематически посылать его в городскую ордруфскую школу, где будущий музыкант и проходил достаточно успешно первые классы, усваивая необходимое начальное образование. Но столь же необходимым делом, с точки зрения всякого Баха, было обучение музыке, и Иоганн Христофор самым добросовестным образом принялся с братом за музыку, продолжая дело, начатое покойным отцом. Таким образом, он учил Себастьяна игре на скрипке, клавесине и органе, а также заставлял его петь в церковном хоре, заме-

тив, что брат обладает очень хорошим голосом. Что касается методов музыкального преподавания, то и в этом отношении сомнений быть не могло: консерватизм, самый строгий, был основной традицией всего поколения Бахов, и, следовательно, учить нужно было тому и так, чему и как учили в свое время самого учителя. В числе других, в то время общепринятых, музыкальных сочинений у Христофора Баха был и один более новый сборник произведений знаменитых тогдашних композиторов: Фроберга, Пахельбеля, Букстехуда и других. Этот сборник, по мнению молодого консерватора, ни в коем случае нельзя было и не следовало давать в руки неопытному ученику, ибо такая музыка была еще слишком нова для молодого человека и, пожалуй, могла подорвать в его глазах престиж старых музыкальных авторитетов. Учитель же должен был, напротив, всеми силами поддерживать эти авторитеты, и потому опасный сборник тщательно заперся в шкаф на ключ, а маленький Себастьян должен был изо дня в день твердить на клавесине произведения старых компонистов, как бы скучны и мертвы они ему ни казались. Эта система представлялась полезной вдвойне, ибо, во-первых, отучала от вредного легкомыслия, а во-вторых, развивала характер; Иоганну Христофору же было хорошо известно, что всякий дельный человек должен прежде всего обладать характером и что все Бахи обладали им в высокой степени.

НОВЫЙ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ И БИБЛИОТЕКА В ЛЕЙПЦИГЕ. ФОТОГРАФИЯ СДЕЛАНА МЕЖДУ 1890–1900 ГГ.

Последнее было, конечно, справедливо; но почтенный органист забывал, что маленький Себастьян был тоже Бах, следовательно, имел тоже свой готовый характер и мог оказать известное сопротивление педагогическим воздействиям брата. Сопротивление это действительно было проявлено, хотя, впрочем, в очень оригинальной форме, о чем стоит рассказать. Обязательные пьесы, которые задавались мальчику, он покорно заучивал, хотя они и казались ему очень

скучными и необыкновенно деревянными, но и запрещенного сборника он тоже не забывал. Дело в том, что он уже имел случаи слышать разные отрывки оттуда и не мог не сравнивать скучную музыку, которую играл ежедневно, с очаровательными мелодиями сборника, запертого в шкафу. Раздумывая о разнице той и другой музыки, маленький человек решил прежде всего хорошенько осмотреть шкаф. Он оказался действительно запертым; вместо стекла была железная решетка, а ее отверстия довольно широки... Неожиданно юный музыкант сообразил, что сборник, имевший вид рукописи без переплета, легко может быть свернут в трубку и тогда наверное пройдет сквозь одно из отверстий решетки. Чтобы не быть пойманным на месте преступления, стоило только дождаться ночи, когда брат и все домашние уснут крепким сном.

И лишь только в доме погасили огни, славное деяние было действительно приведено в исполнение. Трубка прошла сквозь решетку отлично, и наш герой принялся за рукопись, решившись переписать ее для себя всю, сколько бы времени и труда для этого ни потребовалось. Трудность предприятия увеличивалась еще тем обстоятельством, что свечи достать было решительно неоткуда, и для работы пришлось пользоваться только лунным светом. Но характер, о выработке которого хлопотал старший брат, оказался у нашего Себастьяна настолько упругим, что все эти затруднения не остановили его, и через *шесть месяцев* упорного труда работа была

близка к окончанию...

В последние годы жизни композитор очень страдал от слабости зрения, а незадолго до смерти и вовсе ослеп. Это обстоятельство, как говорят, было последствием чрезмерного напряжения зрения в юности, которого стоил Баху переписанный при лунном свете сборник. В довершение неудачи, когда труд был уже почти окончен, брат Христофор неожиданно поймал маленького преступника на месте преступления, то есть за работой над перепиской сборника, и отобрал как оригинал, так и копию. Горе мальчика не знало пределов...

Итак, вот сведения, известные об ордруфском периоде жизни композитора. Время его пребывания там продолжалось пять лет, с 1695 по 1700 год; за эти годы мальчик успел пройти низшие классы ордруфской городской школы, изучил – насколько это было возможно – музыку у брата Христофора и, достигнув в 1700 году пятнадцатилетнего возраста, стал подумывать об устройстве своей дальнейшей судьбы. Не думать об этом было невозможно. Брат Христофор был небогатый человек; скудное содержание по должности церковного органиста едва давало ему возможность сводить концы с концами, а при этом еще и семья его увеличивалась ежегодно. Здравый смысл говорил Себастьяну, что брату и так жилось трудно и что содержание лишнего члена семьи становилось ему очевидно в тягость. Обдумав дело со всех сторон, пятнадцатилетний мальчик решил, что он уже

достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе самому. Объявив вслед за тем о своих намерениях брату Христофору, Себастьян вместе с ним выработал целый проект, по которому он должен был переселиться в город Люнебург и там постараться пристроиться в школу местного монастыря Святого Михаила. При содействии и рекомендации одного из преподавателей ордруфской коллегии, кантора Герда, проект этот в том же 1700 году был приведен в исполнение, и дело устроилось в таком виде: обучение нашего юноши наукам и музыке в монастырской школе считалось бесплатным, но зато он обязывался к постоянному участию в хоре при монастырских богослужениях. Таким образом, хороший голос, каким Бах обладал в молодости, послужил ему средством устроиться при первых шагах его артистической карьеры.

В Люнебурге молодой музыкант пробыл три года, то есть до 1703 года, и за это время имел хороший случай усовершенствоваться в игре на органе, не забывая также ни клавирина, ни скрипки, которая должна была очень пригодиться ему в самом ближайшем будущем. Что касается вокальной музыки, то практика в ней становилась его обязанностью при постоянном участии его в церковном хоре.

По отношению к музыкальному развитию будущего композитора эти три года пребывания в Люнебурге оказались столь же важными, как и полезными. В возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет рано развившийся юноша уже умел относиться к искусству совершенно сознательно. Вни-

мательно изучая доступные ему произведения знаменитых тогда мастеров музыкального искусства, он обстоятельно знакомился с особенностями и характером каждого из них. Сравнивая же между собою различные приемы творчества и выделяя для себя техническую сущность их, Себастьян постепенно, совершенно опытным путем, усваивал себе главные основания теории композиции. Далее, конечно, следовали попытки приложить добытые сведения к своим собственным, вначале подражательным опытам творчества, где он копировал некоторых излюбленных авторов. Что касается музыки, какую уже с этого раннего времени особенно любил он, то это была музыка церковная, а любимым средством ее передачи был орган. Все способствовало влечению молодого музыканта именно к церковной музыке: и семейные религиозные традиции, столь живые и сильные в нем самом, и повсеместное, господствовавшее преобладание церковной музыки в Германии того времени, наконец, самое пребывание его при монастыре Святого Михаила, где постоянно и исключительно звучала все та же церковная музыка и любимый его инструмент – церковный орган. Таким-то образом музыкальные впечатления юности, постоянно накапливаясь в душе композитора, постепенно, но прочно и бесповоротно определили господствующее направление всей его будущей музыкальной деятельности, его специальность творца церковной музыки.

В конце люнебургского периода жизни музыканта мы за-

стаем его совершающим ряд маленьких путешествий, предпринятых с музыкальными целями. Очарованный произведениями, какие в то время изучал, Себастьян горел естественным желанием увидеть и услышать их знаменитых авторов. Таким образом, он успел побывать в Гамбурге, где проживали известный органист Адам Рейнкен и композитор Кейзер; в Целле, который славился своей французской инструментальной капеллой; здесь молодой музыкант имел случай едва ли не впервые познакомиться с произведениями тогдашней французской музыки, причем оказалось, что она произвела на него очень ощутимое впечатление. Особенное внимание музыканта привлекли к себе произведения композитора Куперена (Couperin), и следы влияния французского маэстро заметны даже в некоторых последующих работах Баха. Несколько позже такое же артистическое паломничество было им совершено в Любек, где проживал знаменитый и особенно уважаемый Бахом органист Букстехуд...

Так проводил и названными путешествиями заканчивал молодой композитор свои *учебные годы*. Эти учебные годы и вместе с тем время пребывания Баха в Люнебурге окончились в 1703 году. Молодому человеку исполнилось уже восемнадцать лет, и он находил, что пора было подумать о приискании себе занятий, могущих дать средства к жизни и обеспечить ему в будущем самостоятельное существование.

Глава II. Служебные странствия

Бах – придворный музыкант в Веймаре. – Переход на должность органиста в Арнштадте. – Отношение Баха к новым обязанностям. – Путешествие в Любек. – Столкновение с арнштадтским церковным начальством. – Новое переселение в Мюльхаузен. – Женитьба

По окончании учебных годов для Себастьяна Баха наступили своего рода *годы странствий*. Между 1703 и 1708 годами он успел побывать на службе в Веймаре, Арнштадте, Мюльхаузене и вновь основался в Веймаре. Целью всех этих странствий было желание заработать сколько-нибудь надежный кусок хлеба, но исполнить это законное желание везде оказывалось весьма нелегко, как мы это увидим из дальнейшего изложения.

Первой должностью, представившеюся нашему музыканту в 1703 году, было место *придворного музыканта* (Hofmusikus) в Веймаре. Однако внушительный титул «придворный музыкант» не должен вводить читателя в заблуждение, ибо ничего особенно важного или завидного эта должность в действительности не представляла. Надо вспомнить, что вся Германия тогда была раздроблена на бесчисленное множество отдельных мелких владений, многие из которых с большим основанием можно было сравнить просто с по-

местьем средней величины. Однако все, даже самые мелкие, такие владения старались не отстать, по крайней мере в наружной обстановке двора, от более крупных соседей и, несмотря на свои скудные средства, насчитывали в своих штатах все должности (или по крайней мере названия должностей), какие числились у соседей. За недостатком средств многие должности часто и подолгу оставались вакантными, либо оплачивались так скудно, что должностному лицу, кроме красивого титула, должность приносила чрезвычайно немного. Так было и в данном случае, и под громким титулом придворного музыканта Бах получил лишь очень скромное место первой скрипки в капелле принца Иоганна Веймарского, причем нужно знать, что принц сам был не владельцем, а лишь братом владетельного герцога Веймарского. В положении восемнадцатилетнего музыканта, конечно, и от такого места нельзя было отказываться; но, заняв его, Бах тотчас же стал осматриваться вокруг, ища случая заменить его чем-нибудь более удовлетворительным.

Такой именно случай представился ему в следующем же 1704 году. В то время в городе Арнштадте был только что приобретен и установлен новый орган, и место органиста оказалось вакантным. Нашему музыканту представился случай испробовать этот орган в присутствии местного церковного начальства, причем оказалось, что, несмотря на свой юный возраст, молодой человек был очень хорошим музыкантом и превосходно владел органом. Тогда же ему было

предложено место церковного органиста в Арнштадте, которое он и занял в 1704 году, отказавшись от своей веймарской должности. Новое звание было и более самостоятельным, и более выгодным, да и орган – его мечта еще со времени люнебургских учебных годов – удовлетворял музыканта гораздо более, чем игра на скрипке в Веймаре.

По издавна установившемуся в Германии обычаю, если при какой-нибудь церкви имелась школа, то церковный органист должен был одновременно быть и преподавателем этой школы, обучая своих учеников как музыке, так и всем прочим предметам тогдашнего начального образования. На этих же основаниях определялась и новая деятельность нашего музыканта как органиста в Арнштадте. Такое совмещение, очень неудобное с современной точки зрения, не казалось, однако, да и в действительности не было особенно неудобным в начале XVIII столетия. Нужно только принять в расчет объем тогдашнего начального образования, которое было до крайности невелико, не разнообразно и, разумеется, вполне доступно церковному органисту, как и почти всякому грамотному бюргеру. С другой стороны, следует уяснить себе нормальный *средний* тип тогдашнего органиста, чтобы понять совершенную возможность упомянутого совмещения. Такой церковный музыкант был не что иное, как самый обыкновенный ремесленник. Пунктуально и добросовестно исполнял он свое нехитрое музыкальное дело, из года в год играя все одни и те же кантаты и хоралы, кото-

рые требовались обиходом церковной службы, и своей музыкой вполне удовлетворял скромные потребности добрых прихожан. Разнообразие, таланта, вдохновения в этом деле совсем не требовалось, и наличие этих свойств могло, как увидим ниже, скорее привести к затруднениям разного рода и создать органисту одни лишь неприятности. Не совсем так обстояли дела, конечно, в больших городах и музыкальных центрах, как, например, Лейпциг, Дрезден, Берлин, Гамбург, Любек; там места органистов занимались часто серьезными и талантливыми музыкантами, какими были, например, Букстехуд в Любеке, Кунау в Лейпциге, впоследствии сам Бах в том же Лейпциге и проч. Но к большинству мелких городов, каким в значительной степени был и Арнштадт, намеченные соображения были приложимы как нельзя больше. Итак, вот какого рода деятельность – скромная и прозаическая, с одной стороны, и хлопотливая, с другой, – предстояла нашему музыканту в его арнштадтской должности. Посмотрим теперь, как примирились с нею его артистические наклонности.

habm Ihnen zu sagen: Daß ich den jetzigen
Lied noch nicht bey allen meinen Vorlesungsbrüdern
die Dankschreyt und Erantworten allzeit
den Dankerzigen überlassen hab, welche
auf Dankschreyt von mir begehrt werden
sind. Mein Umstände und Zeit verhalten mit
platonische nicht dieses bedarf für Ihn,
auf der Leinen Korrespondenz. Ich befinde mich
wahrhaftig

St. J. Engelhardt.
vergebens
Danf.

ПИСЬМО, ПОДПИСАННОЕ БАХОМ, К ИЗДАТЕЛЮ ЭНГЕЛАРДУ БЕНЬЯМИНУ ШВИКЕРТУ. К ЕГО СОЧИ- НЕНИЮ ОБ ИГРЕ НА КЛАВИРЕ

Несмотря на выдержку, терпение и практический здравый смысл, – свойства, несомненно, присущие здоровой и трезвой натуре Баха, – он, однако, был прежде всего художник по характеру и, кроме того, слишком молод, чтобы быть достаточно практичным в житейских делах и отношениях. Поэтому не покажется непонятным, если мы скажем, что из всей программы предстоявших ему обязанностей он взял лишь те, которые имели отношение к искусству, да и их принялся исполнять по своему крайнему разумению, то есть впол-

не как артист. Он совершенно не мог, например, играть в продолжение круглого года одни и те же напевы, с одной и той же мелодией и неизменяемой гармонией. Сидя за органом, Бах нередко забывал, что исполняет точно определенную в арнштадтском захолустье служебную обязанность, и часто, незаметно для самого себя, начинал импровизировать, варьируя гармонию напева, вводя, где бывало можно, собственные украшения, а иногда изменяя даже обязательный характер мелодии. Почтенные прихожане, не привыкшие к таким новостям, покачивали только головами, удивленно посматривая в сторону органиста, и не знали, как следовало относиться к его странным нововведениям: уместны ли они в храме Божием и, главное, уместна ли подобная смелость в таком молодом человеке? Однако сомнения эти не выражались пока ни в чем другом, кроме такого покачивания головы.

Между тем церковное начальство нашего музыканта имело также причины к сомнениям, но совершенно иного свойства. Оно наблюдало, хорошо ли и как именно новый органист исполняет свои педагогические обязанности. И наблюдения его оказались очень неутешительного свойства. Оказалось, что молодой органист успел в самый короткий срок совершенно распустить школу; ученики вовсе не слушались учителя, потеряли к нему всякий страх, который был столь необходим, и вместо того чтобы заниматься ученьем, играли в мяч; по улицам они ходили с рапирами и даже посещали

какие-то *неприличные* места. Сам же учитель совершенно не умел обходиться со своими питомцами: то не обращал на их проказы никакого внимания, то вдруг вспыхивал и тогда не знал границ своему гневу. Все это было, конечно, из рук вон плохо. Однако как прихожане, так и начальство решили пока молчать, ожидая, что из всего этого выйдет дальше.

А молодой музыкант тем временем все более и более погружался в свое искусство, чем дальше, тем больше забывая свои служебные обязанности и с ними всю прозу жизни. Совершенствуя постоянно технику игры на органе и клавесине, Бах убеждался, однако, лишь в том, как он еще далек от истинного совершенства: изучая творения великих музыкантов, арнштадтский органист видел все яснее, как необъятна область искусства, и, разумеется, удваивал свои усилия. Наконец, собственные опыты композиции, которым он начал отдаваться все чаще, знакомили его с невыразимым счастьем творчества... Где уж тут было смотреть за тем, в какие неприличные места ходили распущенные ученики церковной школы!..

Как уже было замечено выше, из музыкальных произведений, написанных для органа, особенно привлекали к себе внимание Баха сочинения любекского органиста Букстехуда. Следы его влияния очень осязательно сказывались и в манерах, и в технических способах разработки музыкальных тем в собственных опытах Баха, так что увлечение нашего музыканта Букстехудом вообще не подлежало никакому сомне-

нию. Но в описываемое время это увлечение достигло, по-видимому, своего высшего напряжения, и Бах только и мечтал о том, чтобы повидаться лично с любимым своим композитором. Желание его исполнилось в 1705 году, когда ему удалось получить у своего начальства отпуск и совершить поездку в Любек для свидания с обожаемым композитором. Свидание это оказалось очень полезным развлечением после монотонной арнштадтской жизни, оно дало Баху много новых ценных художественных впечатлений и вообще было одним из самых приятных событий за эти последние годы жизни музыканта, но *по службе* оно же привело Баха к самым неприятным последствиям.

Прием, оказанный Баху знаменитым Букстехудом, превзошел все ожидания молодого музыканта. Маэстро обладал гостя, играл в его присутствии и очаровал его своим мастерством совершенно. Но, не ограничиваясь этим, старый музыкант заставил играть и Баха, причем внимательно вслушиваясь в его музыку, по-видимому, понял, с кем имеет дело, и разгадал в посетителе будущего гения первой величины. Назвав молодого человека при первом же свидании «дорогим братом», он очевидно выделял его из толпы своих многочисленных почитателей и во все время пребывания Баха в Любеке обращался с ним необыкновенно приветливо. Молодой музыкант наш был, разумеется, совершенно очарован и под влиянием этого очарования так загостился в Любеке, что когда наконец опомнился и собрался домой, то ока-

залось, что срок его отпуска был давно пропущен. Как-то примет арнштадтское строгое начальство такое упущение по службе, – невольно думалось ему на обратном пути. А дома только и ждали какой-нибудь новой оплошности со стороны органиста, чтобы высказать ему крайнее недовольство его служебной деятельностью вообще.

Неприятности Баха начались с того, что у него потребовали официального ответа, на каком основании он позволил себе просрочить данный ему отпуск. И вслед за тем завязалось целое *дело*, в котором молодой органист оказался обвиненным в самых разнообразных и многочисленных *проступках по должности*. Теперь ему было поставлено на вид все, что в разное время службы Баха возбуждало недовольство его начальства или прихожан. Таким образом, он обвинялся в небрежном преподавании, в неумелом обращении с учениками школы, причем не забыто было, что школьники во время занятий играют в мяч и опять-таки ходят в какие-то неприличные места и прочее. Деятельность Баха как органиста также была подвергнута самой строгой критике, причем ему ставилось на вид, что вариации, вводимые им в исполнение церковных хоралов, совершенно излишни, а тем более неуместны собственные его мелодии, которые сбивают с толку прихожан, отвлекают их внимание и, стало быть, мешают благочестивому настроению богомольцев. Наконец, обвинение гласило, что церковный органист допустил в одно из воскресений участие в церковном хоре женщины. Это бы-

ло, конечно, также важное нарушение установившихся обычаев. Правда, допустив его, наш музыкант руководствовался лишь одними чисто музыкальными соображениями, простодушно полагая, что хорошее сопрано ни в каком случае не может повредить делу и что музыкальное достоинство хора от этого только выигрывает. Но совет духовной консистории, разбиравший дело Баха, смотрел на вопрос с совершенно иной точки зрения и ссылаясь на авторитет святого апостола Павла, который, по объяснению совета, прямо требует: «Taceat mulier in ecclesia» (Да молчит женщина в церкви²).

² «Ecclesia» значит, собственно, только «собрание», под которое можно, конечно, подвести и религиозное собрание – церковь. Впоследствии право женщин на участие в церковном хоре было признано и утвердилось в Германии повсеместно, но в описываемое время Баху все-таки пришлось считаться и с этим обвинением.

ГАЛАНТНАЯ СЦЕНА. ШТЕФАН СЕДЛАЧЕК

По этому последнему обвинению Бах имел, впрочем, надежное возражение, которое его совершенно оправдывало, — именно, что женщина была им допущена в хор с разрешения пастора церкви, что в действительности так и было, но молодой музыкант ни в чем не желал оправдываться, так как не чувствовал на своей артистической совести никаких грехов. Из всего этого «дела», из всех предъявленных ему обвинений Бах только с очевидностью вывел, что в Арнштадте ему долго оставаться было невозможно. И затем, представив своим обвинителям думать о его *преступлениях*, что

они хотят, он исключительно отдался тому, что считал единственно настоящим делом, то есть своему искусству.

Выше мы уже имели случай упомянуть о собственных музыкальных опытах Баха. Эти опыты начались давно, еще до переселения его в Веймар. Чем дальше, тем эти творческие занятия Баха становились более постоянными и систематичными, и, наконец, в Арнштадте им было написано сочинение, обыкновенно признаваемое его *первым* произведением. Музыкальное достоинство всех этих творческих опытов было, конечно, неодинаково, но в большей или меньшей степени все они отличались характером подражательным, весьма ясно выраженным и указывающим на влияние композиторов, которых молодой музыкант в то время изучал в качестве любимых образцов. Мы говорили уже, что особенно сильно было влияние на Баха Букстехуда, также Фроберга, весьма известного композитора XVII столетия, Кунау и некоторых других. Что касается *первого* произведения, о котором сейчас было упомянуто, то оно носило очень длинное заглавие «Capriccio sopra la lontananza del suo fratello diletissimo» (Capriccio на отъезд любимого брата). Оно было написано по случаю отъезда второго брата Себастьяна Баха, бывшего эйзенахского городского музыканта Иоганна Якова Баха, поступившего на службу в качестве гобоиста к шведскому королю Карлу XII. Между первыми сочинениями Баха известна также его арнштадтская кантата на текст «Wer nun den lieben Gott lasst wallen» («Кто теперь прогневит ми-

лосердного Бога»).

Между тем молодому композитору нужно было подумать и о своем дальнейшем материальном существовании. Натянутые отношения с церковным начальством Арнштадта становились все более тягостными, и не сегодня-завтра Баху приходилось, очевидно, оставить свою должность. Поэтому он не упускал случаев осведомляться об имевшихся в других городах вакансиях на место органиста. Около 1707 года такая именно вакансия открылась в городе Мюльхаузене. По принятому во многих городах тогдашней Германии обычаю, должности эти замещались конкурсным порядком, причем место получал наиболее отличившийся на музыкальном состязании. Нечего и говорить, что Бах, давно желавший освободиться от своей должности в Арнштадте, принял участие в этом конкурсе и на состязании, состоявшемся на Пасху 1707 года, одержал верх над всеми конкурентами. Вслед за тем, заключив с городским советом Мюльхаузена соответствующий договор, он сдал в конце июня свою арнштадтскую должность и осенью того же 1707 года перебрался на место органиста в Мюльхаузен.

Новая должность Баха могла считаться очень выгодной и завидной по сравнению с должностью арнштадтского органиста. Самый город был гораздо более обширным центром, чем Арнштадт, а звание его органиста более солидным, почетным и важным, судя по тому, что все предыдущие здешние органисты были настоящими и выдающимися музыкан-

тами, известными далеко не в одном Мюльхаузене. Кроме того, самое общество здесь было гораздо интеллигентнее, чем в Арнштадте, и имело на музыку, по-видимому, довольно просвещенные взгляды. Наконец, не последнюю роль в глазах Баха играло и содержание, которое он здесь должен был получать, – содержание, казавшееся ему очень хорошим. В некоторых исторических документах, сообщаемых биографом Баха Филиппом Шпиттоу, сохранились указания на размеры этого содержания. По условию с городским советом Бах именно должен был получать в год *три бочки хлеба, годовой запас рыбы, дрова для отопления жилища и 85 флоринов деньгами*. Оценивая размеры этого *хорошего* содержания, невольно спрашиваешь себя, как же велико было содержание органиста в Арнштадте, где оно было заведомо хуже, и сколько получала первая скрипка в Веймаре?..

Как бы то ни было, нашему музыканту казалось, что материальное благосостояние его отныне было так хорошо обеспечено (то есть тремя бочками хлеба и прочим), что можно было подумать и о женитьбе. И, не откладывая дела в долгий ящик, в октябре того же 1707 года молодой человек сочетался браком с одной из своих родственниц, двоюродной сестрой Марией Барбарой Бах.

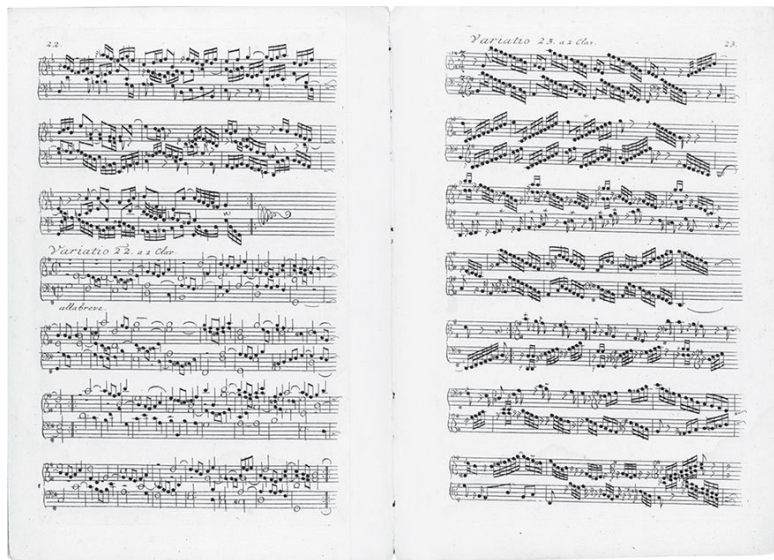
Глава III. Первое десятилетие творчества

Пребывание в Мюльхаузене и тамошние занятия Баха. – Переход на службу в Веймар. – Музыкальные произведения этого периода. – Артистические поездки. – Музыкальный турнир в Дрездене

Счастливым своей новой семейной жизнью, довольный служебным положением и не предвидя, что Мюльхаузен будет не чем иным, как лишь одним из этапов его странствий, наш композитор отдался музыке и творчеству с обыкновенной своей энергией и свежими силами. Нужно было, кроме того, доказать городу и его совету, что не напрасно его удостоили избранием на почетную должность. И Бах с большим рвением занялся организацией вверенного ему музыкального дела.

Работы было много. Нужно было значительно усовершенствовать, пополнить и обучить хоры, а чтобы самому достойным образом исполнять хорошую музыку, приходилось постоянно и много работать над техникой своего исполнения и еще больше над продуктами собственного творчества, которое овладевало им все больше и больше. Ко всему этому присоединились еще хлопоты совершенно особого рода. Именно ко времени Баха церковный орган Мюльхаузена пришел

в сильную ветхость и требовал капитальной переделки. Дело же это представлялось весьма сложным, ибо реставрированный инструмент должен был удовлетворять всем требованиям современной техники и иметь все новейшие приспособления. Ввиду этого руководство переделкой и надзор за ней могли быть поручены только очень сведущему и опытному музыканту; при всем том городской совет не задумался доверить это важное дело именно Баху. Приходилось, следовательно, исполнить поручение совета так, чтобы и в этом отношении оправдать оказанное доверие.

«КЛАВИРНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ» ИОГАННА БАХА,

СОДЕРЖАВШИЕ «АРИЮ С РАЗЛИЧНЫМИ ВАРИАЦИЯМИ ДЛЯ КЛАВЕСИНА С ДВУМЯ МАНУАЛАМИ»

Много и других дел, кроме перечисленных, занимало нашего композитора в недолгий период пребывания его в Мюльхаузене. Здесь, между прочим, положено было начало его педагогической деятельности в том особом, специальном смысле, когда учениками его являлись отдельные лица, желавшие сформировать из себя серьезных музыкантов и впоследствии становившиеся последователями и продолжателями музыкального направления композитора. Первым таким учеником Баха в Мюльхаузене был некий Иоганн Мартин Шубарт, впоследствии очень известный в Германии композитор и исполнитель.

Но из всех этих занятий более всего поглощала внимание молодого музыканта, разумеется, чисто творческая его деятельность. Еще не окрепший вполне, далекий от кульминационного пункта своего развития, талант его начинал уже, однако, складываться вполне решительно и проявлял себя теми чертами оригинального вдохновения, которые отличали творчество Баха впоследствии, в совершенно зрелую пору его художественного развития. Это был уже период времени, который обыкновенно включают в «первое десятилетие творчества» (1707–1717 годы) Баха. Подражательный характер его опытов становится менее заметным, и непосредственно после отъезда из Мюльхаузена, что произо-

шло через год после поступления туда на службу, композитор вступает в ту стадию развития, когда некоторые из его произведений становятся безусловно замечательными.

Пребывание Баха в Мюльхаузене продолжалось, однако, как сейчас было упомянуто, очень короткое время. Так скоро покинуть здешнюю свою должность заставили его и в этот раз недоразумения, возникшие у него с представителями церковной администрации, причем теперь Бах не подал к тому уже решительно никакого повода. Его здешние обязанности сводились лишь к музыкальной деятельности, а эта деятельность его была совершенно безупречна. Но церковный настоятель, некий Фрон, будучи завзятым пиетистом, оказался принципиальным врагом художественной музыки в церкви и принялся интриговать против Баха. При таких обстоятельствах органисту-композитору, разумеется, ничего не оставалось делать, как только удалиться. Впрочем, он не особенно и печалился об этой неудаче, ибо около того же самого времени ему стали открываться очень хорошие служебные виды в герцогстве Саксен-Веймарском.

Герцог Вильгельм Саксен-Веймарский принадлежал к числу выдающихся германских владетелей первой половины XVIII века. Хорошо по тогдашнему времени образованный, страстный любитель и знаток музыки, он, кроме того, обладал характером весьма самостоятельным и оригинальным. Эти же основные свойства характера всего ярче проявлялись, к счастью Баха, именно в отношениях герцога к му-

зыка. В то время, когда в Германии почти повсеместно начал распространяться вкус к итальянской музыке, а национальное немецкое искусство приходило в упадок и совершенное пренебрежение, герцог Вильгельм не скрывал открытого предпочтения, которое он отдавал именно немецкой музыке, находя в ней гораздо больше глубины и содержания, чем в чуждой его стране музыке Италии. К служившему у него музыкальному персоналу немецкого же происхождения он относился соответственно своим национальным артистическим взглядам, и когда впервые случайно услышал игру на органе Себастьяна Баха, то, естественно, не мог не оценить по достоинству талант великого музыканта, который уже и в то время славился своим мастерством исполнителя. Отсюда возникли самые дружеские отношения между композитором и его высоким поклонником, последствием которых было приглашение Баха в 1708 году на должность придворного музыканта в Веймар.

В Веймаре Баху впервые удалось основаться достаточно прочно и оседло. Утвердившись в новой своей должности, а впоследствии получив еще звание концертмейстера герцога Веймарского, он довольно спокойно и без всяких тревожений провел здесь целые девять лет, и все это время мог свободно посвятить развитию своего гениального дарования и творческой деятельности. В этой-то благоприятной обстановке его талант окреп и сформировался окончательно, и здесь же были написаны все важнейшие произведения того

первого

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.